

Я.Ю. ШАШКОВА, А.И. ДЕВЯТИЯРОВА

**ПАРТИИ В РЕГИОНАХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ¹**

Вопрос о роли и месте партий в российской политической системе обсуждается почти два десятилетия. Чаще всего он принимает форму вопроса об эффективности в России традиционной для демократических государств многопартийной конкурентной системы и соответствующей ей модели функционирования партий. При этом ряд исследователей уже с конца 1990-х годов давали на этот вопрос отрицательный ответ [см., например: Голосов, Лихтенштейн, 2001; Кисовская, 2000; Левин, 2000; Пшизова, 1998]. Причинами этого, на наш взгляд, являются последствия трансплантации института в неконгруэнтную среду и его постоянных трансформаций.

Что касается первой причины, то, как справедливо отмечали М. Полтерович и П.В. Панов, трансплантация чужеродных институтов часто порождает радикальные сомнения в их значимости. В отсутствие общественного консенсуса политические акторы не в состоянии использовать данный институт для легитимации политического порядка и внедрения ментального образа соответствующего политического сообщества. Ключевую роль начинает играть согласованность («конгруэнтность») смыслов импортиро-

---

¹Материал подготовлен при поддержке РГНФ (научный проект № 13-33-01001 «Информационные стратегии законодательных органов государственной власти как средство развития сферы публичной политики на региональном уровне (на примере регионов Юго-Западной Сибири)»).

ванных институтов в стране-доноре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая – к дивергенции, которая может повлечь за собой перерождение импортированных институтов и появление институциональных гибридов или превращение импортированных институтов в «оболочку», внутри которой функционируют традиционные для общества-реципиента неформальные практики [Полтерович, 2001; Панов, 2007, с. 101].

Именно так и произошло в нашей стране с партиями. Их трансплантация в неконгруэнтную среду привела к тому, что выполнение ими части функций (например, электоральной) шло в русле мировых тенденций, а часть наполнилась российской спецификой. По образному выражению Г.Л. Кертмана, произошли «одомашнивание» новых институтов и политических практик, уподобление их привычным, знакомым, вписывание импортированных институтов в традиционный ценностно-нормативный контекст и выработка спектра мотиваций политического поведения, органичного для «среднего россиянина» [Кертман, 2007, с. 120].

При этом были заимствованы новейшие формы политических партий, изменившие в условиях информационного общества свои функции и перешедшие, в частности, к широкому использованию маркетинговых методов. Однако на Западе они уже имели устойчивый круг сторонников и отлаженные технологии деятельности, а также были интегрированы в систему общественно-политических коммуникаций. Импорт постмодернистских партий в отечественные реалии при слабости гражданского общества зачастую превращал российские аналоги в малочисленные «электоральные машины», взаимодействующие с обществом в основном посредством рекламных акций и кампаний. Другими словами, российские партии изначально оказались не столько институтами политического представительства различных социальных групп, сколько «политическими предприятиями», используемыми элитными группировками.

В данной статье исследуются особенности реализации политическими партиями своих функций на региональном уровне. На материале регионов Западной Сибири показано влияние на этот процесс трендов российской трансформации и специфики регионов.

Роль партий в электоральном процессе и формировании региональных органов власти

Становление региональных партийных систем началось чуть позднее, чем на федеральном уровне, – в начале 1990-х годов, – и ориентиром для них выступали общероссийские партии, а стимулом – поездки региональных лидеров на общероссийские съезды. Большинство партийных организаций в регионах формировались как избирательные штабы, деятельность которых после федеральных кампаний замирала. Это объяснялось тем, что партии не располагали значительными ресурсами и не имели стимулов к регулярному и масштабному партийному строительству. Региональные отделения приобретали форму «комитетов» клиентелистского типа.

К тому же в большинстве субъектов РФ на региональных выборах использовалась мажоритарная система, приводившая к вытеснению политических партий на периферию электорального поля. Большинство мандатов в региональных парламентах получали так называемые независимые кандидаты, чаще всего – чиновники исполнительной власти, директора предприятий и бизнес-структур [Динес, Николаев, Слиски, 2004], стремившиеся самостоятельно контролировать формирование законодательной базы и распределение финансовых ресурсов, с тем чтобы максимально снизить возможные трансакционные издержки в условиях нестабильной институциональной среды. Не последнюю роль играло и наличие у кандидата финансово-материальных ресурсов на проведение затратной предвыборной кампании.

Так, из 41 депутата ЗС Алтайского края первого созыва (1994) 14 составляли главы администраций районов, городов и их заместители (34%), 19 (36%) – хозяйственные руководители и всего четыре – представители бюджетной сферы (три врача и один учитель, около 10% депутатов)¹. Большая доля избранного в том же году депутатского корпуса Кемеровской области также приходилась на чиновников городского и районного уровней (главы и работники администраций муниципальных образований и депутаты местных Советов) – девять человек (28% от общего числа депутатов) и руководящий (по большей части директорский) состав хо-

---

¹ Сост. по: [Избирательные системы на Алтае..., 2006, с. 378; Грани времени, 2009, с. 494].

зайствующим субъектов – десять человек (31%) [Шараев, 2007, С. 187–188]. Превалировали представители экономической сферы и в Томской областной думе первого созыва. Здесь руководители предприятий и коммерческих структур из разных сфер (промышленность, АПК, энергетика) получили 38% мандатов.

Наиболее активно электоральную функцию в 1990-е годы выполняла в большинстве регионов КПрФ, кандидаты от которой не только участвовали во всех выборах, но и не скрывали своей партийной принадлежности. Так, на выборах в Алтайский краевой совет народных депутатов 1996 г. образованный КПрФ и АПр блок «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда» выдвинул или поддержал кандидатов по всем 50 округам, получив в итоге 20 мандатов¹. В 2000 г. блоком было выдвинуто 29 кандидатов², 15 из которых были избраны.

Партии активнее участвовали в избирательных кампаниях в регионах с более высокой предрасположенностью населения к политическим новациям, а также с большей фрагментацией и конкуренцией региональных элит. Например, партийную составляющую кампании по выборам Новосибирского областного Совета депутатов в 1997 г. обеспечивали областные организации ЛДПР (выдвинула максимальное количество кандидатов – 48), КПрФ (32 кандидата), АПр, «Демократического выбора России» (вошла в блок «Гражданское согласие», 18 кандидатов), «Чести и Родины» и «Яблока» (блок «Лебедь – Явлинский», 15 кандидатов), НДР и Демократической партии России (блок «Союз», 32 кандидата), движения «Демократическая Россия» и Партии экономической свободы (блок «Третья сила», 14 кандидатов)³. В результате более половины избранных в 1997 г. депутатов (55,1%) оказались выдвиженцами избирательных блоков и объединений: мандаты получили областные организации КПрФ (17 мандатов) и АПр (три), блоки «Лебедь – Явлинский» (три) и «Третья сила» (два мандата)⁴.

---

¹ [Выборы в Законодательные (представительные) органы..., 1998, с. 587, 181–187].

² [Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, 2001, с. 211].

³ [Выборы в Законодательные (представительные) органы..., 1998, с. 387, 595].

⁴ [Выборы в Законодательные (представительные) органы..., 1998, с. 389–393].

Формально роль партий в электоральном процессе возросла после перехода на смешанную систему формирования региональных парламентов (2002). Так, в ходе выборов в Алтайский Совет народных депутатов созыва 2004 г. региональные отделения партии не только формировали партийные списки, но и выдвинули 42% кандидатов по одномандатным округам. В итоге доля партийных депутатов составила 75% общей численности против 48% в 2000 г. В Новосибирском областном совете 2005 г. партии представляли 78% депутатов.

Однако численный рост партийных выдвиженцев не привел к кардинальным изменениям в профессиональной структуре депутатского корпуса, а значит, и в законотворческой деятельности. После выборов 2004 г. из 62 депутатов ЗС Алтайского края больше половины представляли уже закрепившуюся в качестве доминирующей группу директоров различных хозяйствующих субъектов – энергетических компаний, сельскохозяйственных, промышленных, строительных предприятий и пр. Чиновничество различного уровня представлял лишь один работник краевой администрации, что было связано с запретом совмещать депутатский мандат с должностью в органах местного самоуправления¹. На протяжении последующих созывов конфигурация социально-профессионального состава депутатского корпуса стабилизировалась: доля «хозяйственников» и бизнесменов в 2008 и 2011 гг. колебалась в диапазоне от 55 до 60%². В Томской области значительную долю депутатов – около 62% в четвертом созыве и 55% в пятом – можно отнести к категории «хозяйствующих субъектов». Около половины депутатов новосибирского парламента также относятся к руководящему составу предприятий и бизнес-структур; около половины из них были включены в списки политических партий, участвовавших в избирательной кампании.

Это подтверждает тезис, согласно которому партии остаются для бизнеса наиболее удобным механизмом вхождения во власть. Организационным показателем инструменталистского отношения

---

¹ Сост. по: [Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 14.03.2004 г., 2004].

² Сост. по: [Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 02.13.2008, 2008; Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 04.12.2011, 2011].

политических и экономических элит к партиям стал уникальный политический продукт – «партия власти», сконструированная «по образу и подобию самой Власти» или ««мечтаний о ней русского общества». Она соединила в себе действующие в одной «архаичной, неполитической» ментальной плоскости «ожидания россиян от “своей” Власти и расчет Власти в отношении “своих” россиян» [Глебова, 2004, с. 223].

Дополнительным препятствием к полноценному осуществлению партиями своих функций в законодательной сфере стала постепенная утрата в 2000-е годы органами представительной власти своих и без того незначительных позиций, фактическое превращение их в механизм ратификации решений, принятых другими субъектами. Несмотря на переход к пропорциональной системе избрания депутатов Госдумы и смешанной системе для региональных legislatures, реальная роль партий в процессе принятия государственных решений сократилась. Власть сосредоточилась в руках новой партийно-государственной номенклатуры, причем с акцентом не на партийность, а на государственный статус.

С другой стороны, изменение избирательного законодательства дало региональным отделениям партий возможность выступить в роли своеобразных политических лифтов, обеспечить приход в законодательные органы новых людей. Так, по результатам выборов в АКСНД в 2004 г. его состав обновился на 80% – переизбраться смогли только 15 депутатов прежнего созыва [Алтай – 2004, 2005, с. 54–58]. Заслуживает внимания тот факт, что состав партийных списков почти полностью состоял из «новых людей». Расширился также список партий, принимавших участие в формировании региональных legislatures. Во многих из них появились фракции ЛДПР, отсутствовавшие при выборах по мажоритарной системе.

В 2011 г. в ряде регионов, в частности в Алтайском крае, роль партий как политических лифтов повысилась после введения обязательного деления партийных списков на региональные группы. В основу новой системы была положена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» предпочли регистрировать своих кандидатов-одномандатников одновременно как лидеров списков. «Единая Россия» же, стремясь увеличить рейтинги партсписка за счет депутатов, зарекомендовавших себя в одномандат-

ных округах, поставила во главе партийных списков инкумбентов, а по одномандатным округам выдвинула новых людей. В итоге состав краевой легислатуры обновился на 55%.

На федеральных выборах выполнение региональными отделениями функций лифта детерминировано характером конкретной партии и процентом полученных ею голосов. Кроме того, в начале – середине 1990-х годов персональный состав депутатов был более подвижен, что обуславливалось активной институционализацией партийных структур, позднее же он стабилизировался и в 2000-е годы изменялся незначительно. Особенно это касается «Единой России». В ее случае мы сталкиваемся с механизмом, противоположным по своей направленности с традицией партийного представительства: региональные отделения партии являются каналами не столько политического продвижения новичков (хотя это тоже имеет место), сколько инструментом упрочения позиций влиятельных региональных политиков и предпринимателей, укрепления их связей со структурами федеральной власти. Происходит взаимовыгодный обмен ресурсами: высокопоставленные региональные политики и предприниматели используют свое положение для содействия «партии власти» на местах, обретая тем самым поддержку со стороны федерального центра [Гаман-Голутвина, 2004, с. 163].

На этом фоне участие политических партий в формировании органов исполнительной власти регионов остается крайне незначительным. Это связано с тем, что в России исполнительная власть всех уровней строится на непартийной основе. Критерием попадания в нее выступают в лучшем случае профессиональные качества, а нередко – протекция. В 2004 г. была предпринята первая попытка «партизации» исполнительной власти – государственным служащим категории «А» было разрешено вступать в политические партии. Это, конечно, создает некоторые элементы контроля партий над исполнительной властью, но на практике приводит к обратному эффекту.

Следующей попыткой стало предоставление партии, список кандидатов которой получил наибольшее число мандатов на региональных выборах, права предлагать президенту кандидатуры губернаторов (2009). Однако, как правило, данная процедура лишь формализует статус уже имеющих претендентов.

Мобилизационный легитимационный и идейный потенциалы региональных парторганизаций

В конце XX в. сложилось множество региональных вариантов политической трансформации, различающихся институциональными каркасами, а также стратегиями и расстановкой политических акторов. В связи с этим партийные организации в разных регионах выполняли разный набор функций. Это, в частности, относится к такой из них, как легитимация режима. На федеральном уровне и в ряде регионов (Новосибирской, Томской областях и др.) она почти не выполнялась. Однако там, где в 1990-е годы сформировалась моноцентричная модель власти¹, например в Алтайском крае и Кемеровской области, доминирование «левых» в политическом процессе было связано не только с напряженной социально-экономической ситуацией и традиционалистским сознанием большинства жителей, голосовавших за возврат к прошлому, но и с активным использованием главами администраций А.А. Суриковым и А.Г. Тулеевым региональных отделений Народно-патриотического союза России (КПРФ, АПР и др.) – как «партийного ресурса» для легитимации своих режимов и мобилизации избирателей.

Мобилизационная функция партий в регионах проявлялась более явно. Особенно это касалось периода выборов, когда партии не только вели собственные кампании, но и предоставляли свои мобилизационные возможности другим акторам: уже упоминавшемуся бизнесу и губернаторам. Например, в 1990-х – начале 2000-х годов широкое распространение получила практика «выстраивания» губернаторами под себя региональных аналогов «партии власти» – региональных движений или блоков. В частности, блоковая тактика активно применялась губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым. И хотя в 1996 г. в образованный им во время выборов в кемеровскую легислатуру блок «Народовластие – блок А. Тулеева» вошли региональные организации КПРФ, АПР и Российской коммунистической рабочей партии², данное объединение, как и в дальнейшем «Избирательный блок А. Тулеева» (1999)

---

¹ Термин введен Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой [см.: Лапина, Чирикова, 2000; Лапина, Чирикова, 2002; Лапина, 2004, с. 268].

² Выборы в Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. – М., 1998. – С. 594–595.

и блок «Служу Кузбассу» (2002), фактически носили непартийный характер и решали разовые задачи – обеспечение прохождения губернаторской клиентелы в представительные органы власти.

Рекрутирование партийных кадров на этом фоне шло намного медленнее, что в принципе не противоречит современным мировым трендам [Игнаци, 2010, с. 52–53]. Партии не стремились к массовости, узкий круг лидеров узурпировал ключевые партийные должности, блокировал участие рядовых членов в выработке партийной стратегии. Это вело к падению партийной активности граждан, подпитываемому переориентацией населения на обеспечение минимального уровня жизни в условиях сложной социально-экономической ситуации. В результате в условиях неконгруэнтной среды и отсутствия неформальных практик, способных обеспечить новым институциональным формам дальнейшее развитие, последние наполнялись традиционным для их членов содержанием: для «партии власти» – административно-бюрократическим, для либералов – «клубным», объединяющим «единомышленников, воодушевленных некой идеей, проектом общественного устройства» [Коргунюк, 2007, с. 44.].

Рост мобилизационной активности парторганизаций произошел после принятия закона «О политических партиях» 2001 г., формирования эффективной «партии власти» в лице «Единой России» и последовавшего за ними реформирования партийного пространства на федеральном и региональном уровнях.

Закон четко сформулировал количественные признаки политической партии и предоставил ей особые права – монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти», что стимулировало партии к сохранению своего статуса.

Однако для многих российских партий требования закона были явно завышены. И даже быстрое формальное наращивание количества членов не сделало их реальными массовыми структурами. Рядовые члены партии воспринимались лишь как пассивная масса, необходимая для прохождения процедуры перерегистрации. На местном и региональном уровнях широкое распространение получила практика массового, зачастую принудительного, приема в партию работников целых предприятий и учреждений. То же касается и избирателей, которых российские партии не рассматривают как значимый ресурс.

Вместе с тем легализация участия политических партий в избирательном процессе заставила региональные отделения всерьез заняться работой с населением, открыть общественные приемные, укрепить местные организации. Больше внимания стало уделяться профессионализму партийной работы, особенно в области взаимодействия со СМИ, повышению квалификации партийных кадров. Так, региональные отделения СПС и «Яблока» накануне выборов 2000-х годов регулярно обучали своих функционеров и активистов в Москве и других крупных городах, а аппарат «Единой России» проходил переподготовку не только в партийных учебных центрах, но и в структурах государственной службы.

Несмотря на это, намного более важными для партий оставались ресурсы поддерживающих их лоббистских группировок и позиция исполнительной власти. Более того, их значимость резко возросла из-за необходимости построения массовых партийных структур. Это приводило к превращению партий в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных объединений. Итогом таких сделок становилось быстрое и относительно малозатратное распространение партий по территории страны, а обратной стороной – их превращение в аналог бизнес-проектов. Именно по такому пути пошли во многих регионах «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии.

В связи с этим современные политические партии не предлагают на выборах реальных политических программ – их политическую практику определяют спонсоры в формате непубличных или конфиденциальных договоренностей.

Однако в целом было бы неправильно относить неэффективное исполнение партиями идеологической функции и функции формирования массового сознания к российской специфике – это мировая тенденция, вытекающая из ослабления связей партий с ориентирующимися на них социальными группами, а также из снижения значимости размежеваний, лежавших в основе партийных систем. Увлечшись поиском более актуальных вопросов, которые можно было бы положить в основу новой идеологии, партии перестали выполнять свою ключевую функцию – функцию артикуляции и агрегирования общественных интересов.

В постиндустриальном обществе, где главной ценностью становится информация, партии все более наглядно демонстрируют неспособность выполнять идеологическую функцию. Если раньше СМИ отдавали партийным публикациям первые полосы, то теперь ситуация меняется зеркальным образом: партии становятся вспомогательными структурами медиаполитических институтов. По словам А.С. Ахременко, «если ранее партии сами выступали ключевым каналом информирования граждан по политическим проблемам и их электоральной мобилизации (через партийную печать и активистов), то сегодня эту функцию в гораздо большей степени выполняют СМИ» [Ахременко, 2007, с. 85].

Сегодня интерес к партийной прессе крайне незначителен, у партий, как правило, нет денег на радио и телеканалы. При этом, как показывает отечественный опыт, даже если необходимые ресурсы появляются, пропуском для партии в медиaproстранство может служить только лояльность действующему режиму.

Не все гладко и с использованием партиями Интернета. Созданные на федеральном и региональном уровнях сайты партий и блоги отдельных партийцев зачастую противоречат друг другу по целям и содержанию, у них отсутствуют единый дизайн и выдержанный партийный стиль. «Партии, включая и оппозиционные, используют свои сайты достаточно примитивно, прежде всего, в качестве своих “визиток”» [Кислицына, Кислицын, 2013, с. 227].

Еще одним фактором снижения идеологической роли партий в современной политике, в том числе на региональном уровне, является общая деидеологизация политических отношений. Идеология как цементирующее звено утрачивает свое влияние, уступая место личному выбору в процессе политической самоидентификации. По мнению А.И. Соловьева, идеология уступила место более частным способам оформления политических воззрений граждан, эмоционально-чувственным комплексам, мировоззренческим представлениям людей [Соловьев, 2009, с. 62]. Сегодня крайне трудно разделить существующие партии в рамках модели «левые – центр – правые». Партийные предпочтения теряют устойчивость, приобретая более инструментальный и прагматичный характер [Шашкова, 2009, с. 79].

Оценка функционирования политических партий в массовом сознании жителей Алтайского края

У патерналистски ориентированных жителей регионов выросла неудовлетворенность деятельностью политических партий, невыполнением ими в должной мере роли института социального представительства. Российское массовое сознание оказалось не готово к тому, что к концу XX в. партии в западных странах как бы завершили цикл своего развития: возникнув как «предприятия претендентов» на определенные посты, они снова вернулись к роли преимущественно «электоральных машин». Поэтому, по словам Ф. Шмиттера, «было бы анахронизмом думать, что партиям [посткоммунистических стран] предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции» [Шмиттер, 1996, с. 18–19]. Поэтому возник разрыв между заимствуемыми на Западе современными институциональными моделями политической партии и требованиями, предъявляемыми к ней российским массовым сознанием. Показателями этого можно считать как процент голосующих «против всех» на федеральных и региональных выборах первой половины 2000-х годов, так и данные социологических исследований.

Как показывают опросы, в 1990–2000-е годах рядовые избиратели связывали доверие партиям не с четкостью предлагаемых ими стратегий развития общества и их адекватностью существующей ситуации, а с выполнением ими своих социально-экономических обещаний, повышением эффективности работы с населением. Зачастую они просто сводили деятельность партий к оказанию помощи определенным группам. «На партии в этой интерпретационной схеме... возлагались, по существу, функции специфических, “периферийных” структур государственной власти» [Кертман, 2007, с. 124].

Так, при ответе на открытый вопрос фонда «Общественное мнение» (2007) о вреде, наносимом партиями, респонденты обвиняли их в бездействии и неэффективности («много разговоров, а дела – чуть»; «одна показуха»; «много словоблудия» – 11%), в паразитизме и расточительстве («деньги едят бюджетные»; «дармоеды на нашей шее» – 7%), безразличии к людям («не думают о простом народе, нищая пенсия»; «не слушают людей, не отражают интересы народа» – 6%), корыстолюбии («все гребут в свои карманы» – 6%), лживости («обман народа»; «много врут» – 3%) и т.д.

Особо стоит отметить, что 8% опрошенных поставили партиям в вину их сущностные признаки – стремление к власти, межпартийную борьбу как таковую («вечно спорят между собой»; «разногласия»; «много политической борьбы»; «каждая добивается власти») [Политические партии в жизни России, 2007].

По данным Левада-центра, в 2000-х годах полностью партиям доверяли от 4 до 6% населения, частично – около 30%. В то же самое время президенту полностью доверяли 54–58% россиян, частично – 28–30; церкви – соответственно 38–44 и 21–23%, армии – 20–30 и 33–35%. Даже профсоюзы получали 9–12% полной поддержки и 20–25% частичной.

Репрезентативность этих рейтингов подтверждается и оценкой влияния общественно-политических институтов на ситуацию в стране. По данным Левада-центра, в 2005–2006 гг. для партий она составила 2,5 баллов, в то время как для президента – примерно 4, силовых структур и СМИ – 3,5, церкви – 3 балла [Дубин, 2002, с. 15; Доверие россиян институтам власти и общества, 2004; Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года, 2006].

Эти данные коррелировались с ситуацией в регионах. Согласно опросам Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета (ЦПАТ АлтГУ), в 2002 г. деятельность российских партий положительно оценивали 7,8% жителей Барнаула, еще 12,6% оценивали ее скорее положительно, чем отрицательно¹. Таким образом, только 20,4% респондентов признавали, что партии выполняют позитивную роль в обществе. Отрицательно к деятельности партий относились 16,8%, 20,8% оценивали их деятельность скорее отрицательно, чем положительно.

Через три года, в 2005 г.², оценки деятельности партий стали еще более критическими. Позитивно их роль оценивали по-прежнему 20,7% респондентов, а число относящихся к ней негативно выросло до 62%.

Кроме того, политические партии не рассматривались гражданами как механизм формирования властных структур и контроля над ними. В основном граждане были уверены, что эффективных способов влияния на власть в России вообще не существует. Лишь

---

¹ Опрос проводился в Барнауле 3–8 июня 2002 г. Были опрошены 500 человек.

² Опрос проводился 20–25 октября 2005 г. в двух городах и двух районах Алтайского края. Были опрошены 584 человека.

9,4% были согласны с тем, что существующие общественные формирования оказывают заметное влияние на политическую и общественную жизнь в стране.

При этом избиратели все чаще связывали доверие партиям с выполнением ими своих обещаний, повышением эффективности работы с населением, преодолением зависимости от капитала и государственной власти. Те же опросы показали, что в 2002 г. только 5,6% жителей Барнаула были уверены, что российские партии полностью выполняют свои функции и обещания, 22,4% считали, что они делают это частично. Еще 18,4% ответили, что свои функции и обещания партии выполняют иногда. В то же время 26,4% отмечали, что партии чаще не выполняют свои обещания, а 16,8% – что они не выполняют их никогда. К 2005 г. доля разделяющих последнюю точку зрения выросла в три раза, составив 50,9%. Среди проблем, мешающих эффективной деятельности партий, жители края неизменно называли безответственность, оторванность от избирателей, продвижение корыстных интересов своих членов через органы власти, зависимость от капитала и государственной власти, программное однообразие.

В ответ на это наиболее популярным в партийной деятельности с середины 2000-х годов стало социальное направление – в виде адресной работы и проведения акций для избирателей. Если в предыдущие периоды оно было заметно только у ЛДПР (например, в Западной Сибири – у Кемеровского РО), то теперь получило повсеместное распространение и приобрело характер, сопоставимый с публичными акциями [Асеев, Притчина, Шашкова, 2006, с. 131–173] или даже превышающий их по масштабу. Используемая региональными отделениями ЛДПР и «Единой России» тактика «конкретных дел», включающая проведение различных спортивных и культурно-массовых мероприятий для детей и взрослых, организацию приема граждан, разработку информационно-методических материалов по различным проблемам (например, по кредитованию личных и фермерских хозяйств – «Единая Россия»), передачу комплектов литературы в библиотеки (ЛДПР) и др., направлена на повышение информированности избирателей о данных партиях и формирование их позитивного имиджа [см., например: Партинформ Алтайского края, 2012; Партинформ Алтайского края, 2013].

В результате через два десятилетия после трансформации политической системы социологические исследования начали

фиксировать «эффект привыкания» к партиям. Последние же, в свою очередь, запускают адаптационные механизмы, оказывая влияние на окружающую среду.

Вырос общий уровень доверия партиям. По данным Левада-центра¹, 12% россиян убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46 – что не вполне и 33% – что они его совсем не заслуживают. При этом наблюдается постепенное смещение оценки от резко негативной к смягченно негативной или даже положительной – в 2009 г. эти показатели составляли, соответственно, 7, 38 и 36% [Доверие институтам власти, 2013].

Изменилось и обоснование необходимости партий: согласно опросу ФОМ 2013 г.², 18% опрошенных считают их необходимыми для обеспечения конкуренции как механизма публичной политики («в споре рождается истина», «нужны многопартийность, оппозиция, однопартийность несовместима с демократией»); 8% – для выражения различных социальных интересов («у людей должна быть политическая альтернатива, возможность выбирать между партиями»), «партии должны выражать интересы разных слоев населения»; 5% – для управления страной, поддержания порядка; 4% – для борьбы за права народа, улучшения жизни людей; 3% – для принятия законов; 2% – для контроля за работой руководства страны; по 1% – для помощи руководству страны и для объединения граждан вокруг общих идей [О системе выборов в Госдуму, 2013].

На этом фоне становятся более заметны региональные различия. В частности, в Алтайском крае, аграрно-индустриальном регионе, у населения которого преобладают традиционалистские установки, в 2013 г.³ политическим партиям доверяло лишь 4,7%. При этом в Барнауле – 6% опрошенных, в малых городах края – 5,2, а в сельской местности – только 3,5%. Наибольшая дифференциация в доверии к партиям наблюдается в возрастных группах: среди жителей края в возрасте 26–40 лет о своем доверии партиям

---

¹ Опрос был проведен 20–24 сентября 2013 г. Выборка составила 1601 человек в 130 населенных пунктах 45 регионов страны.

² Опрос ФОМ проведен 9–10 марта 2013 г. Опрошены 1500 человек в 100 населенных пунктах в 43 субъектах РФ.

³ Опрос проведен Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в пяти городах и восьми районах Алтайского края. Опрошены 1000 человек.

заявили только 2,8%, в возрасте 41–60 лет – 3,6, 18–25 лет – 4,4, а среди 61 и старше – 7,6%.

В основе данной позиции, как и прежде, лежит оценка эффективности функционирования политических институтов. Партии отнесли к эффективным институтам только 8% опрошенных. Выше оценки эффективности партий среди женщин (9%); респондентов старше 60 лет (13%) и 26–40 лет (8%); по роду занятий – пенсионеров (13%), студентов (11%), фермеров (10%). Различия по месту жительства не так заметны: в малых городах – 10,5%, в Барнауле и сельской местности – по 7%.

В целом можно констатировать, что нынешнее функционирование политических партий на региональном уровне формально соответствует трендам мирового партогенеза. Однако их реальная роль в политической жизни регионов России остается весьма скромной, что обусловлено спецификой российского политического режима и отсутствием неформальных институтов, способствующих укоренению партий в политическом процессе и их легитимации массовым сознанием.

Список литературы

- Алтай – 2004: выборы в краевые органы государственной власти / Под ред. Я.Ю. Шашковой. – Барнаул: Азбука, 2005. – 62 с.
- Асеев С.Ю., Притчина Е.В., Шашкова Я.Ю. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае: 1993–2006 гг. – Барнаул: Азбука, 2007. – 199 с.
- Ахременко А.С. Социальные размежевания и структуры электорального пространства России // *Общественные науки и современность*. – М., 2007. – № 4. – С. 80–92.
- Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. – М.: Весь мир, 1998. – 640 с.
- Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика: В 2 т. – М.: Весь мир, 2001. – Т. 2. – 768 с.
- Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания 14.03.2004 г. – 2004. – Режим доступа: <http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html> (Дата посещения: 08.10.2014.)

- Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания 02.13.2008. – 2008. – Режим доступа: <http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html> (Дата посещения: 08.10.2014.)
- Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания 04.12.2011. – 2011. – Режим доступа: <http://altai-terr.izbirkom.ru/archiv.html> (Дата посещения: 08.10.2014.)
- Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 157–177.
- Глебова И.И.* Беспартийная Власть и ее партийная организация // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 213–229.
- Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.* «Партия власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. – М., 2001. – № 1. – С. 6–14.
- Грани времени: от краевого Совета к Законодательному собранию. 1939–2009 годы: Сборник документов. – Барнаул: Агентство рекламных технологий, 2009. – 815 с.
- Динес В.А., Николаев А.Н., Слиски Л.К.* Опыт становления представительных органов власти на региональном уровне // Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л.К. Слиски. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 559–582.
- Доверие институтам власти. Пресс-выпуск Левада-центра. – 2013. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti> (Дата посещения: 08.01.2014.)
- Доверие россиян институтам власти и общества: Пресс-выпуск Левада-центра. – № 31. – 2004. – Режим доступа: www.levada.ru/press/2004032302 (Дата посещения: 10.01.2010.)
- Дубин Б.* Модельные институты и символический порядок: элементарные формы социальности в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М., 2002. – № 1. – С. 14–19.
- Иенацци П.* Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. – М., 2010. – № 4. – С. 49–76.
- Избирательные системы на Алтае, (вторая половина XVIII – начало XXI в.): сборник документов. – Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. – 538 с.
- Кертман Г.Л.* Статус партии в российской политической культуре // Полис. – М., 2007. – № 1. – С. 120–131.
- Кислицына И.С., Кислицын С.А.* Сайты политических партий – каковы перспективы? Анализ партийных интернет-коммуникаций в период избирательных кампаний 2007–2012 гг. // Политическая наука. – М., 2013. – № 1. – С. 209–231.
- Кисовская Н.К.* Российские партии и «западная модель» // Полития. – М., 2000. – № 1 (15). – С. 46–50.

- Коргунок Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. – М.: Фонд Индем: Московский городской педагогический ун-т, 2007. – 544 с.
- Лапина Н.Ю.* Региональное измерение российской политической трансформации // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: ежегодник 2004. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 266–277.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. – М.: РАН. ИНИОН, 2000. – 198 с.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика. – М.: Институт социологии РАН, 2002. – 324 с.
- Левин И.Б.* Партия и модернизация: российские варианты // Политика. – М., 2000. – № 1 (15). – С. 51–63.
- О системе выборов в Госдуму. – 2013. – Режим доступа: <http://fom.ru/Politika/10884> (Дата посещения: 08.01.2014.)
- Панов П.В.* Политическое сообщество: конструирование и институционализация // Полис. – М., 2007. – № 1. – С. 94–103.
- Партиформ Алтайского края: информационный бюллетень / Сост. С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова. – Барнаул: Азбука, 2012. – Вып. 8. – 55 с.
- Партиформ Алтайского края: информационный бюллетень / сост. С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова. – Барнаул: Си-пресс, 2013. – Вып. 9. – 60 с.
- Политические партии в жизни России: Опрос населения. – 2007. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/d071424> (Дата посещения: 10.01.2010.)
- Полтерович В.М.* Трансплантация институтов // Экономическая наука в современной России. – М., 2001. – № 3. – С. 24–50.
- Пишова С.Н.* Какую партийную модель воспримет наше общество // Полис. – М., 1998. – № 4. – С. 101–113.
- Соловьев А.И.* Российские партии в условиях медиакратии // Политическая и партийная система современной России: Материалы Всеросс. науч. конф., 2 окт. 2009 г., Москва / Центр пробл. анал. и гос.-упр. проект.; [Ред.-изд. гр.: С.С. Сулакшин (руков.) и др.]. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 61–70.
- Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года. – 2006. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2006100301.html> (Дата посещения: 10.01.2010.)
- Шараев П.С.* Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е годы XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). – Томск: ТМЛ-Пресс: Томский государственный ун-т, 2007. – 197 с.
- Шашкова Я.Ю.* Российская партийная система в условиях трансформации политического режима, (конец XX – начало XXI в.). – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. – 180 с.
- Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – М., 1996. – № 5. – С. 16–27.